

МЕХАНИЗМЫ РАННЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ: ОТ ПАЛЕОЛИТА — К ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Рассмотрены главные движущие силы и механизмы первых крупных социально-эволюционных переходов после завершения антропогенеза: от верхнего палеолита и мезолита — к неолиту, затем к варварским вождествам (чифдомам) и к ранним государствам. Особое внимание уделено меняющейся роли организованного насилия и сдвигам в ментальности (от мифов — к эпосам и религиям). Остается дискуссионным вопрос об определении государства и о признаках (критериях) государственности. На основе анализа критики Р. Карнейро классического определения М. Вебера, а также оригинальной концепции М. Берента о негосударственном статусе древнегреческих полисов предложено синтетическое определение государства: к характеристикам, выделенным Карнейро и Вебером добавлен новый признак: воспроизводящаяся в поколениях формальная структура управленческих позиций, автономная от отношений родства. Выделены типовые черты ранних государств, отличающие их, как предшествующей стадии вождеств, так и от зрелой государственности. Показано, что значимость родства сохранялась на протяжении дальнейшего развития политических систем, в частности, в таких специфических формах как бюрократизированное местничество.

Ключевые слова: социальная эволюция, неолитическая революция, вождества, чифдомы, признаки государственности, определение государства, монополия на насилие, структура управленческих позиций, ранние государства
Ссылка при цитировании: Розов Н. С. Механизмы ранней социальной эволюции: от палеолита — к государственности // Вестник антропологии. 2024. № 1. С. 329–347.

UDC 572 316.4 316.012 397 930

DOI: 10.33876/2311-0546/2024-1/329-347

Original article

© *Nikolai Rozov*

MECHANISMS OF EARLY SOCIAL EVOLUTION: FROM PALEOLITHIC TO STATEHOOD

The article focuses on the main driving forces and mechanisms of the first major socio-evolutionary transitions after the end of anthropogenesis: from the Upper Paleolithic and Mesolithic to the Neolithic, then to barbarian chiefdoms and to early states. Particular attention is paid to the changing role of organized violence and shifts in mentality (from myths to epics and religions). The definition of the state and the criteria of statehood remain debatable. On the basis of R. Carneiro's criticism of M. Weber's classical definition as well as M. Berent's original concept of the non-state status of ancient Greek polities, a synthetic definition of the state was proposed by adding a new characteristic to those identified by Carneiro and Weber: a formal structure of governing positions, independent of kinship relations, which is reproduced in generations. The author highlights the typical features of early states, which distinguish them both from the preceding stage of chiefdoms and from mature statehood. It is shown that the importance of kinship persisted throughout the further development of political systems, in particular in such specific forms as bureaucratized parochialism ('mestnichestvo').

Keywords: social evolution, Neolithic Revolution, chiefdoms, chiefdoms, signs of statehood, definition of the state, monopoly of violence, structure of managerial positions, early states

Author Info: Rozov, Nikolai S. — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Social Philosophy, Novosibirsk State University, Professor of International Relations and Regional Studies, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: nrozov@gmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8585-298X>

For citation: Rozov, N. S. 2024. Mechanisms of Early Social Evolution: From Paleolithic to Statehood. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 329–347.

Переход к неолиту и начало этногенеза

Археологи отмечают особую активность контактов и взаимосвязанность верхнепалеолитических популяций Евразии, следы обменов на большие расстояния, в том числе предметов изобразительного искусства (в частности, знаменитых фигурок «венер»). Те же расширенные социальные сети способствовали быстрому распространению технологических новаций (см. обзор данных: Churchill 2014: 359).

Главная причина перехода к неолиту с земледелием и животноводством — фундаментальный сдвиг в техноприродном порядке. Вызовы и напряжения, связанные с истощением ресурсов, конкуренцией за ресурсы (угодья, кормовую территорию) с чужаками, приводили к вытеснению слабейших, которые на новых местах либо

воспроизводили прежние порядки и практики, либо медленно приспосабливались к новому экологическому окружению. Примерно в период 20–15 тлн изобилие дичи в Евразии стало существенно сокращаться. Демографический рост сапиенсов и эффективная охота привели к истреблению крупных травоядных. Некоторые виды были вообще уничтожены (мамонты), другие резко сократили ареал (северные олени, населявшие Европу, оттуда исчезли).

«Этим объясняется исключительное внимание людей верхнего палеолита к созданию изображений животных, которым придавался магический характер и которые должны были помочь восстановлению исчезающих стад. Однако при продолжении интенсивной охоты общий процесс уничтожения крупных травоядных все ускорялся, и последняя его фаза протекала особенно быстро, что поставило охотничьи племена в трудное положение, поскольку они не имели достаточного времени для постепенного перехода к другим способам добывания пищи. В связи с этим можно думать, что переход к мезолиту имел болезненный характер для первобытного населения. Такое заключение согласуется с результатами ряда археологических исследований» (Будыко 1984: 366).

Характерный для верхнего палеолита *краниологический полиморфизм*, когда в одном захоронении обнаруживались скелеты с сильно отличающимися расовыми признаками (Бунак 1966), сменяется унифицированностью характеристик останков в рамках территориально близких сообществ при явных различиях с отдаленными.

Таким образом, с переходом к неолиту и оседлости ранее зачаточные процессы этногенеза обрели настоящую силу: обособленные друг от друга сообщества обрели свои особенности в генотипе, соматотипе (совокупности телесных характеристик), а также, со всей вероятностью — языке и культуре: они становились этническими группами (Коллинз 2015: 131–195).

В последующие тысячелетия, столетия дописьменной преистории и письменной истории, в результате сложных процессов миграций, завоеваний, смешения, распадов и новых миграций, какие-то народы разделялись, а какие-то объединялись в более крупные целостности (Райх 2020). Последние становились в аспекте соматотипа подрасами и расами, а в аспекте транслируемых образцов сознания и поведения (религий, ритуалов, языков, фольклора, быта, социальной организации) — культурами и цивилизациями.

Этносы (собственно, народы, народности) следует понимать как гибридные целостности, сочетающие компоненты соматотипа (соответственно, генотипа, биологического происхождения — «крови») и экстрасоматически транслируемых образцов (культуросферы — «традиций»).

Аспекты рас, этничностей, языков и религий, соответствующих и всегда социально значимых различий, играют особую роль в сфере насилия и контроля над насилием. Наряду с родством этничность остается значимым фактором объединения, консолидации, мобилизации, причем как для обороны, так и для нападения.

Производящее хозяйство — фактор роста насилия

Уход из первобытного состояния означал для человечества не только вступление на путь ускоряющегося технологического, социального, культурного, интеллектуального прогресса, но и попадание в воронку углубляющегося неравенства, все бо-

лее жестоких и масштабных практик принуждения и организованного насилия. Этому способствовали прежде всего сам успех планетарной экспансии человеческого рода, демографический рост и войны за землю. В некотором смысле этот эволюционный скачок можно назвать «изгнанием из социального Рая», если под последним понимать преимущественно равные, свободные и мирные отношения внутри групп и дружественных альянсов.

Действительно, к периоду 15 тлн уровень внутривидового насилия сапиенсов существенно возрастает:

«число находок человеческих костей с вонзившимися в них обломками оружия (29 костей 27 индивидов с 17 памятников) почти сравнивается с числом аналогичных находок костей животных. Все находки такого рода возрастом старше 15 тыс. лет — это кости животных (10 костей 10 особей с 9 памятников)» (Вишняцкий 2014: 311).

Долгий, но неуклонный переход к варварству включает несколько усиливающих друг друга трендов, главные из которых учтены в теории политической эволюции Роберта Карнейро (Карнейро 2006). Эта теория закономерного продвижения к образованию первых государств (политогенеза) до сих пор подвергается критике со стороны антропологов, археологов, выдвигавших сильные эмпирические контраргументы (Renfrew 1976; Marcus & Flannery 1996). Сам Карнейро, трактуя эти возражения как аномалии, использовал их для обогащения и развития своей теории¹. Перечислим основные тренды на пути от малых сообществ палеолита и мезолита через неолитическую революцию — к варварским вожествам (чифдомам и сложным чифдомам):

- *нехватка угодий для охоты и собирательства* обусловила ставку на земледелие и животноводство; а поскольку огороды, сады, поля, стада надо охранять от грабежей, делать большие запасы на голодный сезон, от кочевого образа жизни все больше стали переходить к *оседлому*; практики сезонного перемещения оставались только у кочевников и пастухов в предгорьях;
- неуклонно шел *рост населения*, особенно в областях с плодородными почвами и/или богатыми лугами для выпасов;
- благодаря выращиванию зерновых, женщины стали раньше отнимать детей от груди и кормить их кашами, они быстрее восстанавливали фертильность, соответственно, больше рожали, причем *больше детей теперь можно было прокормить и вырастить*;
- развивались *технологии хранения* урожая (от погребов до керамических сосудов), что давало возможность оседлой жизни крупных сообществ; для кочевников стада домашних животных играли ту же роль технологий хранения;
- *продовольственные запасы и стада становились главным соблазном для грабежей*; выживали и росли те сообщества, которые благодаря военной силе защищали свои ресурсы и/или захватывали чужие;
- ускорившийся *рост населения усиливал конфликты*; слабейшие группы вытеснялись, мигрировали;

¹ Более позднее возражение, сделанное на основе статистических выкладок из баз данных по наблюдаемой этнографии (Zinkina et. al. 2016), состоит в отрицании завоевательного пути к политогенезу на ранних стадиях социальной эволюции. Однако Карнейро неоднократно указывал, что укрупнение сообществ от деревень до сложных чифдомов и ранних государств происходило также через складывание альянсов с функциями как обороны, так и частичного территориального расширения, но вовсе не обязательно через крупные завоевания (Carneiro 2012).

- в условиях затрудненности миграций из-за физической (естественные преграды) или социальной *стесненности* (окружающие земли заняты и на них не пускают) рост населения приводил к демографическому давлению — постоянным *напряжениям из-за нехватки земли*;
- существенно изменился характер войн: *от набегов и грабежей — к захвату спорных земель, богатых ресурсами* (плодородные почвы, пастбища, колодцы и оазисы в пустынях, места охоты и рыбной ловли);
- войны отнюдь не уменьшали население, поскольку при почти повсеместной полигамии для демографического роста было значимо не число мужчин, а *число способных к деторождению женщин, частота беременностей и доля выживших детей*;
- малые сообщества проигрывали крупным, изолированные — альянсам; *сообщества укрупнялись* через создание оборонительных/захватнических союзов (эволюция по линии деревня-бигмен-чифдом-сложный чифдом)¹;
- по мере укрупнения победителей захваты участков перерастали в полноценные завоевания с подчинением местного населения;
- успешные завоеватели были способны к *принуждению благодаря насилию и угрозе насилия*; они принуждали подчиненное население к интенсификации труда: ускоренному переходу к производящему хозяйству, распашке неудобий, сооружению террас; задолго до появления крупных рабовладельческих хозяйств пленных уже превращали в рабов;
- росла *военно-политическая иерархия* (сверху вниз: вожди, дружина, общинники, захваченные рабы); высшие позиции все чаще наследовались, что подкреплялась не только авторитетом, но также внушенным превосходством и силой;
- организация военной силы все больше требовала *обучения, систематического производства оружия и подготовки фортификаций* (от частоколов и острогов — до рвов, валов и каменных стен);
- ритуалы преимущественно были направлены на *легитимацию вождей, элиты, социальной иерархии*; прославлялись военные победы; складывались и широко распространялись мифы и эпосы о героях и богах (обычно объявляемых предками вождей), побеждающих чудовищ и/или чуждые народы.

Рост населения означает, что людям удалось истребить или контролировать численность опасных хищников, найти способы пропитания, защиты от зноя или холода, позволяющие не только выживать (что уже непросто и не всем группам удавалось), но и выращивать более многочисленное потомство.

Организация и мобилизация военной силы, последующие войны за землю (а не прежние спорадические разбойные нападения) — это новые *обеспечивающие струк-*

¹ В современных представлениях промежуточной формой между первобытностью и варварством следует считать сообщества с бигменами — авторитетными лидерами, которые представляют группу в отношениях с другими группами, ведут торговлю, организуют совместные церемонии, заключают союзы, контролируют вклады для длительного хранения, играющие страховую роль, управляют их распределением при необходимости. В отличие от настоящих вождей, характерных для чифдомов, бигмены не применяют насилие и угрозу насилия, лишены способных на это вооруженных приспешников, пользуются только своим авторитетом, не накапливают особенно большого богатства, передаваемого по наследству, и не образуют династий (Джонсон, Эрл 2017).

туры для нового предмета заботы: защиты своей территории от соседних групп и расширения ее за их счет. Также происходил эпохальный переход от преимущественно горизонтального, эгалитарного контроля за порядком к иерархическому, сословному и классовому. Организация военной силы уже была обращена не только для защиты общества или внешних набегов, завоеваний, но во все большей мере — на обеспечение забот внутреннего принуждения нижестоящих, в той или иной мере эксплуатируемых.

Путь «изгнания из социального Рая» объясняется возникновением мощных контуров положительных обратных связей между перечисленными выше трендами. Контуров замыкаются, превращаясь в пресловутую «спираль развития», а точнее, мегатенденцию «Лифт» как совокупность петель положительной связи между трендами роста.

Сдвиг к ментальным порядкам варварства

Стремления поддержать, увеличить свой статус и достоинство среди себе подобных являются универсальными для всех обществ, культур и эпох.

В относительно эгалитарных первобытных обществах эти стремления ограничивались порядками, установками генерализованной и сбалансированной реципрокации, соответствующими твердыми нормами поддержания солидарности, взаимной щедрости и поддержки, поэтому получали форму мирной конкуренции (Дюркгейм 1998; Артемова 1987: 175).

В новой ситуации постоянных военных угроз, вынужденной мобилизации и иерархической военной организации, стремления к превосходству и власти никуда не делись, но ограничения эгалитарных норм ослабели, поскольку победа в войне, успешная оборона или успешное завоевание становятся настолько значимы, что престиж и власть вождей-военачальников закономерно укреплялись.

Для военной и политической элиты уже ничто не мешало использовать свою власть, авторитет и силу для присвоения большего богатства, особенно под видом сбора и хранения общественных ресурсов. Элита всегда стремилась передавать власть, могущество и богатство по наследству. Военно-политическое, соответственно, экономическое и символическое доминирование открывало для этого благоприятные возможности.

Происходящее в ментальном порядке можно реконструировать на основе известного перехода от ритуалов солидарности — к ритуалам поклонения, и от мифов о тотемах, о происхождении вещей и практик — к героическому эпосу.

Сами войны являются «натуральными» ритуалами с исключительно сильным эмоциональным напряжением, когда чувства сплоченности между бойцами, доверия к успешным предводителям и ненависти к врагам формируют соответствующие установки (Collins 2004). Подготовка к будущим боям и обсуждение, переживание прошлых боев, в том числе закрепляемое в рассказах, былинах, песнях, легендах играют роль вторичных ритуалов, закрепляющих эти установки (Мелетинский 2004).

Переход ведущей роли в культурном дискурсе (транслируемом в поколениях) от мифов к героическому эпосу, равно как и переход от эгалитарных ритуалов солидарности к иерархическим ритуалам чествования вождей и их великих мифологизированных предков (героев и богов) реконструируются на следующей теоретической основе.

Культурный дискурс и главные ритуалы всегда служат укреплению наиболее важных для сообщества социальных и символических установок участников, поэтому центрами внимания, поклонения, прославления в дискурсе и ритуалах становятся символы основных обеспечивающих структур и социальных институтов (Гофман 2009; Collins 2004).

В первобытных обществах такими символами были тотемы, культурные герои, мифические хозяева мест (ущелья, реки, озера, леса), а в самих мифах и ритуалах утверждался порядок относительно эгалитарного общества, требующий правильного (умелого, солидарного, щедрого к соплеменникам) поведения каждого члена общества.

В варварских обществах символами ритуалов и эпоса стали герои и боги, легитимирующие вечную и безусловную власть вождя и военно-политической элиты. Наряду с переходом от мифа к эпосу существенно менялся характер церемониальных практик:

«В действительности шаманизм, магия и культ предков играют свою роль уже внутри семьи и соседства, а на уровне локальной группы моления у деревенских святилищ или церемонии почитания святых покровителей продолжают укреплять отношения. Но именно в церемониях, характерных для региональной политики, оно материализуется с помощью демонстрации военной мощи, красивых религиозных празднеств, драматических представлений, публичных наказаний и жертвоприношений. Цель их заключается в том, чтобы производить на зрителей впечатление безграничной властью, демонстрирующей тщетность любой попытки восстания или бегства. И если священное на уровне локальной группы в основном сопряжено с демонстрацией и укреплением уз, связующих семьи в группы, то на уровне региональной политики оно служит тому, чтобы общинники одобряли и поддерживали политику и привилегии элиты» (Джонсон, Эрл 2017: 343).

Поскольку поведенческие установки тесно связаны с установками остальных типов — фреймами и картинами мира, символами (святынями и ценностями), идентичностями, — последние также меняются, т. е. претерпевают отбор. Подчинение вождю как военному предводителю, готовность сражаться под его началом, желание и способность подчиняться, эксплуатировать жителей завоеванной земли, принуждать их к труду — все эти и подобные им поведенческие характеристики становятся устойчивыми, когда укоренены в картинах мира, принятых святынях и идентичностях.

Все эти установки формируются и укрепляются в каскадах особых ритуалов: пиров, прославления и награждения героев, выслушивания рассказов, былин, саг (эпоса), в которых воспеваются архетипические подвиги реальных и/или легендарных предков.

Какие-то былины и саги отвергаются, больше не исполняются, забываются, а какие-то получают бурное одобрение, они становятся популярными, разрастаются вариантами и деталями. Нет сомнений, что «выживший» эпос сохранился именно потому, что соответствовал установкам участников соответствующих ритуалов, особенно наиболее влиятельным из них. По самым любимым и популярным произведениям всегда можно реконструировать картины мира, святыни и идентичности их почитателей. Вместе с передаваемыми в поколениях культурными образцами эти установки составляют ментальный порядок, характеристики которого также подлежат отбору.

Культурные образцы отбирались на основе сложившихся установок и габитусов, особенно принадлежавших влиятельным лицам и группам — устроителям тех риту-

алов, в которых эти образцы актуализировались (бигменам, вождям и их приспешникам при переходе к варварству).

Соответствующие социальные порядки оправдывались в разнообразных культурных кодах, как правило, с большой долей символического, религиозного, мистического компонента: славные победы и величие повсеместно трактовались как результаты поддержки со стороны предков или духов, плоды милости богов в отношении к благородству, благочестию и прочим достоинствам правителей.

С такими архетипами связан принцип нового социального порядка, пришедший на смену первобытной реципрокации: *подавлять врагов, управлять и принуждать подвластных благодаря преимуществу в военной силе и на основе высшего (надмирного) оправдания.*

Рождение государства из демографического роста, войн за землю и технологий хранения

Исследователи указывают на следующие условия, любое из которых способно стать основой для контроля вождя над политическими и экономическими организациями в чифдоме:

«1. Централизованные хранилища, вначале используемые как способ управления рисками, а затем для контроля над капиталом и финансирования политических отношений.

2. Крупномасштабные технологии, к которым стремится локальная популяция, чтобы минимизировать издержки производства, требуют основных капиталовложений, что возможно, только если производители, занимающиеся жизнеобеспечением, находятся в единой связке со своим вождем.

3. Постоянные войны в стесненном в природном отношении регионе невозможно вести в отсутствие лидерства. При этом войны позволяют вождю-победителю установить контроль над покоренным населением.

4. Внешняя торговля, необходимая локальной популяции или привлекающая ее по причине сильного спроса, но недоступная для отдельных индивидов из-за высоких издержек на транспортную технологию и трудностей заключения соглашений между сообществами» (Джонсон, Эрл 2017: 414).

На стадии сложных чифдомов появлялись и росли *стационарные политико-религиозные центры*, как правило, вокруг крупных хранилищ урожая. Тогда же прежние знахари (ведуны, шаманы) благодаря росту своих функций, значимости в обеспечивающих практиках и структурах вырастали в *сословие жречества* с монополией владения сельскохозяйственными, врачебными и магическими знаниями.

Наряду с ростом таких сообществ (номов, протогосударств) не прекращались процессы отбора.

Петр Турчин объясняет появление всех крупных обществ тем, что они выживали и расширялись в войнах (Turchin 2016; Turchin et al. 2021). Данный путь отбора типа сообществ был наиболее жестоким, но и вполне эффективным. При прочих равных выигрывали войны более крупные общества, значит с наибольшими запасами, лучшими технологиями хранения, сбора, учета и перераспределения продовольственных ресурсов.

Оборонительные сооружения (частоколы, стены, рвы, валы) нужно было не только построить, но и постоянно поддерживать. Чтобы удерживать завоеванные тер-

ритории были необходимы дороги. Заботы о прокорме войска порождали заботы о производительности хозяйств. Где-то нужно было задерживать воду для орошения, где-то — сооружать дамбы и сливы во избежание затоплений. Все это требовало надзора.

Можно назвать и другие заботы, функции, которые позже стали способны выполнять только государства. Однако никакая множественность функций не дает четкого понимания — в чем, собственно, состоит специфика государственности.

Два определения государства: заочный спор между М. Вебером и Р. Карнейро

Согласно Максиму Веберу, государством является *человеческое сообщество с монополией на легитимное физическое насилие на определенной территории*¹.

Роберт Карнейро, построивший наиболее убедительную теорию от догосударственных обществ к государственным (см. выше), — тот ученый, к словам которого нужно прислушаться особенно внимательно. Он критикует веберовское определение таким образом:

«Это определение уже стало знаменитым. Однако я считаю его несовершенным. Во-первых, оно довольно общее (skeletal), не учитывает то, что можно назвать «внутренними органами» государства. Более того, оно не применимо к политиям, которые по другим основаниям можно было бы считать государством. Например, англосаксонские законы говорят нам, что за определенные правонарушения несколько королевств Гептархии разрешали частным лицам самим вершить закон [...]. И я полагаю, что то же самое было верно для королевства Алор в Восточной Африке, для Таити и, несомненно, для других государств в других частях света. Таким образом, если мы выберем веберовское определение государства в качестве «официального», оно не сможет охватить ряд политий, которые в противном случае мы могли бы считать государствами» (Carneiro 2012: 136).

Возражения Карнейро вряд ли позволяют отвергнуть веберовскую дефиницию. Монополия на насилие вполне может предполагать *делегирование полномочий осуществлять насилие* лицам, группам, организациям. Если монополия полноценная, то те же полномочия могут быть и отняты. Возражение относительно «внутренних органов» более существенно.

Карнейро предлагает свое, альтернативное определение: «*Государство — это автономная политическая единица, охватывающая множество сообществ на своей территории и имеющая централизованное правительство с властью призывать людей на войну или на работу, взимать и собирать налоги, издавать законы и принуждать к их исполнению*»².

Здесь Карнейро уточняет внутреннюю природу государства, но не структурно, а функционально. Действительно, можно ли назвать «государством» сообщество, пусть и применяющее легитимное насилие на своей территории, но не способное принуж-

¹ «Государство есть то человеческое сообщество, которое внутри определенной области — «область» включается в признак! — претендует (с успехом) на монополию легитимного физического насилия» (Вебер 1990: 647).

² “A state is an autonomous political unit, encompassing many communities within its territory and having a centralized government with the power to draft men for war or work, levy and collect taxes, and decree and enforce laws” (Carneiro 1981: 69).

дать жителей к войне и труду, собирать ресурсы в какой-то форме, устанавливать правила и заставлять их выполнять? Как раз варварские вождества (чифдомы) к внутреннему насилию вполне готовы, оно оправдано (легитимно) в рамках их нормативного контекста, остальное же может присутствовать лишь частично и спорадически.

Также существенным представляется дополнение о «множестве сообществ». Греческий «полис» (город) принято считать и называть «государством», однако большинство полисов были малыми сообществами без собственных формальных законов и систематического сбора налогов. Они больше напоминали укрепленные стенами казачьи станицы. Полноценными государствами можно считать Афины и Спарту, хотя и этот вопрос уже спорный, к нему скоро вернемся. Так или иначе, эти крупнейшие полисы как раз господствовали над малыми окружающими селениями, подобно более поздним Флоренции и Милану.

Признав необходимыми признаки Карнейро, можем ли мы отказаться от критерия Вебера? Попробуем представить, что некая группа лиц, назвав себя «центральным правительством», пытается собирать налоги, заставлять идти на войну, навязывать свои правила, но не способна применять физическое насилие, а если даже применяет, то это насилие не согласовано с какими бы то ни было правилами, соответственно, никто не признает его оправданным, легитимным.

В таких ситуациях в ответ на попытки принуждения люди бегут, увиваются, сопротивляются, отвечают насилием на насилие, сплываются в свои группы и коалиции, которые также начинают претендовать на власть. При отсутствии полновесной легитимности и уверенно превосходящих сил у любой из таких групп, происходят беспрестанные побоища с неопределенными результатами. Продолжается хаос, расцветает «гуляй поле», может разгореться гражданская война. В современной истории примерами могут служить периоды после государственного распада в Сомали, Афганистане, Сирии, Ливии, на некоторых территориях субсахарной Африки.

Таким образом, обсуждаемые определения Вебера и Карнейро не противоречат друг другу. По сути дела, они взаимодополнительны. Тогда почему бы их просто не объединить? Да, так и надо сделать, но есть еще подводные камни, которые придется учесть.

Чем были древнегреческие полисы: уже государствами или еще чифдомами?

Есть любопытное возражение Моше Берента против того, чтобы называть «государством» даже Афины. Если считать обязательными признаками государства наличие отдельного «централизованного правительства» (по Карнейро) или правящей группы с «монополией на легитимное насилие» (по Веберу), то республиканская система замещения должностей по жребию уравнивала граждан в правах, не была отделена от них. Будто бы здесь исчезало противопоставление власти и населения, а значит не было и государства.

«Причина этого заключается в том, что в отличие от традиционного представления полис был не государством, а скорее тем, что антропологи называют «безгосударственным обществом». Последнее представляет собой относительно эгалитарное нестратифицированное сообщество, характеризующееся отсутствием аппаратов принуждения, то есть применение насилия не монополизировано каким-либо ведомством или правящим классом, а способность применять силу более или менее равномерно распределена среди вооруженного или потенциально вооруженного населения. Поскольку полис

был безгосударственным, в нем не было готового государственного аппарата, над которым мог бы председательствовать любой, кто желал или был призван править» (*Berent 2000: 353–354*).

Допустим, некое более или менее эгалитарное сообщество (коммуна, кантон), вернее, равноправный альянс таких сообществ называет себя «централизованным правительством», устанавливает для себя правила, собирает с каждого жителя налоги, причем каждого может заставить работать и воевать посредством легитимного (по своим правилам) насилия. Тогда, согласно критериям Вебера и Карнейро, такой альянс следует считать государством. Берент настаивает, что государством такое сообщество не является. Кто прав?

Интуиция подсказывает: тут чего-то важного для статуса государственности не хватает. Но чего именно? Берент делает особый упор на наличие или отсутствие специального аппарата принуждения, отделенного от обычных граждан.

«Отсутствие государственного аппарата принуждения означало, что способность применять физическую угрозу была равномерно распределена между вооруженными или потенциально вооруженными членами общины, то есть гражданами. Таким образом, как заметил Линтотт, охрана порядка осуществлялась путем самопомощи и самообороны (то есть с помощью друзей, соседей, семьи) [...] Системы государственного обвинения не существовало, и дела передавались в народные суды либо заинтересованными лицами, либо добровольцами. Точно так же судебные постановления выполнялись не чиновниками, а заинтересованными лицами, иногда на основе самопомощи» (*Berent 2000: 356–357*).

Самопомощь и самооборона, опора на родню и соседей — это действительно характеристики, скорее, варварских вожеств, а не государств. Берент смело и вполне убедительно перемещает греческие полисы из ведения классической политической науки в предметную область антропологии. Но доминировали ли в Афинской республике право силы, отношения родства, соседства, или же семьи, кланы, фратрии были вынуждены по каким-то причинам подчиняться общим правилам?

Если первое, то придется признать Афины и, тем более, остальные, мелкие и менее упорядоченные, полисы лишь варварскими обществами типа чифдомов. Все же созданный в многочисленных памятниках, начиная с диалогов Платона, образ Афин с уважением граждан к законам и обязанностям больше соответствует второй версии. Насколько этот образ реалистичен или мифологичен — другой вопрос. Что же еще, кроме законов (явно почитаемых) и обособленного аппарата принуждения (явно отсутствовавшего), могло претендовать на основу государственности?

Формальная структура управленческих позиций — главный отличительный признак

Подсказку дает та самая структура должностей, которые в республиканских Афинах замещались по жребию¹. Применяя здесь категории Аристотеля, скажем так:

¹ М. Берент (*Berent 2000: 357–358*), ссылаясь на историков античности, отмечает, что политические институты Афин — собрание (эκκλῆσια), совет и судебные органы (δικαστήρια) — были народными и не отделялись от народа (демоса). Различные должности в Афинах (большинство магистратов, включая архонтов, но не стратегов), назначались по жребию на один год. Это влияло на характер власти должностных лиц. Чиновники были теми же людьми из народа.

дело не в *материи* (т. е. гражданах, которым выпало на какой-то срок стать начальниками), но в *форме* — в самом каркасе официальных постов, должностей, позиций, причем со сменяемостью по единым жестким правилам (здесь был жребий, но мог быть и иной порядок), с полномочиями и заданными в правилах отношениями между позициями. Вообще говоря, мы пришли к классическому понятию *организации*, которого нет в дефинициях государства у Вебера и Карнейро.

Ровно тогда, когда устанавливается этот каркас должностей, организационная структура позиций воспроизводится при смене попадающих в них людей. Что еще важнее, позиции замещаются при смене поколений по явным формальным правилам, а не по меняющимся личным, родственным связям. Очевидно, что обязанности и полномочия должностей так или иначе соответствуют функциям по Карнейро, причем с опорой на легитимное насилие по Веберу. Иными словами, классические дефиниции не отменяются, а только дополняются. Получаем полный комплект признаков государства, и теперь осталось только преобразовать эти мысли в единую конструкцию.

Государство — это объединение людей с правительством как воспроизводящейся в поколениях формальной организационной структурой управленческих позиций (постов, должностей), автономной от родства, которая благодаря своей монополии на легитимное физическое насилие на определенной территории, охватывающей несколько сообществ, способна принуждать членов этих сообществ к труду и войне, взимать с них ресурсы в разной форме, распределять и использовать собранные ресурсы, издавать законы и наказывать за их нарушение.

Трудный переход от родства к формальным государственным структурам

Древнейшие патриархальные и патримониальные способы выстраивания социальных структур — через родство, брачную политику и т. п. — доминировали в догосударственные эпохи, но и позже не исчезали полностью. Они стали уступать формальным структурам и правилам, автономным от связей родства, прежде всего, из-за смутности порядка координации (кто за что отвечает, кто кому подчиняется) и из-за практической невозможности воспроизводить этот порядок, когда участники стареют и умирают.

Естественным образом сменяются люди с их отношениями. У представителей новых поколений — всегда новая родня, новые связи, новые распри. Прежняя структура распределения обязанностей перестает работать, рушится. Обычные заботы, которые как-то обеспечивались на основе частных, личных отношений родства, солидарности, лояльности, перестают должным образом обеспечиваться.

Паллиативным способом воспроизводства, вероятно, было замещение по родственной преемственности: «Теперь ты будешь делать все то, что делал твой отец (наставник, дядя, тесть, старший брат)». Институционализированными реликтами такого рода порядков были средневековые цеха с династиями отец-сын (или зять) и отношениями «мастер-ученик».

При росте сложности практик, отношений и необходимых правил взаимодействия *порядок замещения выбывавших стал все больше привязываться к функциям, обязанностям, полномочиям, доступу к ресурсам*, а не к конкретным людям, которые со всем этим справлялись.

После преодоления критического предела в количестве населения и территории стали выигрывать в войнах и удерживать внутреннюю целостность политики именно с формальными, воспроизводимыми в поколениях организационными структурами управления. Другие общества брали с них пример как победителей. Так начался эволюционный переход к фазе ранней государственности.

Основные типы и черты ранних государств

Строго говоря, по принятому в историографии названию и даже по укоренившейся квалификации (где уже появилась государственность, а где нет) неправомерно относить общества к той или иной фазе социальной и политической эволюции. Решение состоит в том, чтобы каждый раз сопоставлять имеющиеся эмпирические сведения с признаками государственности (см. выше). Нужно выяснять, есть ли признаки Вебера, Карнейро и воспроизводимой в поколениях формальной структуры управленческих позиций для каждого общества, в том числе тех типов, которые давно принято считать государствами.

Про полисы уже было сказано, но те же требования относятся к таким типам как мелкие деспотии, королевства, царства, княжества, «кочевые империи».

Большинство постколониальных обществ сохранили государственность, пусть и деградировавшую после ухода белых колонизаторов. Но не исключено, что на каких-то территориях (например, в субсахарной Африке) под внешней декорацией государств скрываются вполне варварские структуры, основанные сугубо на родстве и личной лояльности.

Важно уточнить черты ранних государств, чтобы отличать эту фазу социального развития не только от варварства, но и от последующей фазы *зрелой государственности*.

В своем административном устройстве ранние государства уже имеют четкие функциональные сферы управления (аналоги будущих указов, коллегий, министерств), но только в столичном центре, они не распространяются на провинции. Военная сфера еще не отделена от гражданской, религиозная — от политической. Как правило, полностью доминирует патримониальный принцип, когда все государство управляется как расширенное домохозяйство («двор») правителя. (Патримонии господствовали и позже — при зрелой государственности, но тогда уже росла значимость бюрократического порядка.) В ранних государствах еще не было специального, тем более профильного, образования чиновников.

В сфере внешних отношений ранние государства уже заключали письменные договоры о мире, альянсах без обязательной привязки к родству и браку, обменивались послами, но не было развитой посольской службы, упорядоченной документации и профессиональных, специально подготовленных дипломатов.

Что касается факторов геокультурного доминирования, в подавляющем большинстве ранних государств уже была развитая письменность (автохтонная либо с приспособлением чужого алфавита или иероглифов для местного языка). Для этой стадии характерны династические списки, хроники и летописи, разнообразные книги мудрости, возможно появление школ рассуждений на абстрактные, мировоззренческие темы (философия и протонаука).

Характерные для варварских обществ эпосы, которые легитимировали вождей как потомков легендарных героев и полубогов, сменяются религиями. Здесь «Большие

Боги» не только освещали правоту, мощь установившегося порядка, власти и правителя, но также нередко объявлялись «всевидащими», что служило важным средством духовного и морального контроля над всеми верующими (Johnson 2015). Сословия жрецов сменялись церковными иерархиями, обычно тесно связанными с государством.

Для самых ранних стадий было характерно «полюдье», т. е. обычай перемещения правителя со всем двором по подчиненным провинциям для потребления накопленных ресурсов «на месте»¹. Затем был налажен систематический подвоз продуктов в военно-политический центр — город, как правило, через установление в нем постоянного рынка. С разной мерой успеха ранние государства пытались унифицировать единицы и меры обмена.

Насилие в обществах ранней государственности

В аспекте организации военной силы, армия, создаваемая и управляемая ранним государством, как правило, сводится к гарнизону города-государства или столицы. Государство способно строить и поддерживать дороги, мосты, переправы на основных транспортных артериях, но не более того.

В вооружениях доминировало простейшее бронзовое, железное, позже и реже стальное оружие. Сложные дорогие доспехи и огнестрельное оружие обычно характеризуют уже зрелые государства. Для ранних государств вполне обычны (хоть и не обязательны) каменные стены и башни, защищающие столицы. Однако еще нет широкого строительства крепостей во многих городах, оборудования границы («засечных линий» и т.п.), нет изодренных сложных фортификаций стен, валов, рвов, башен.

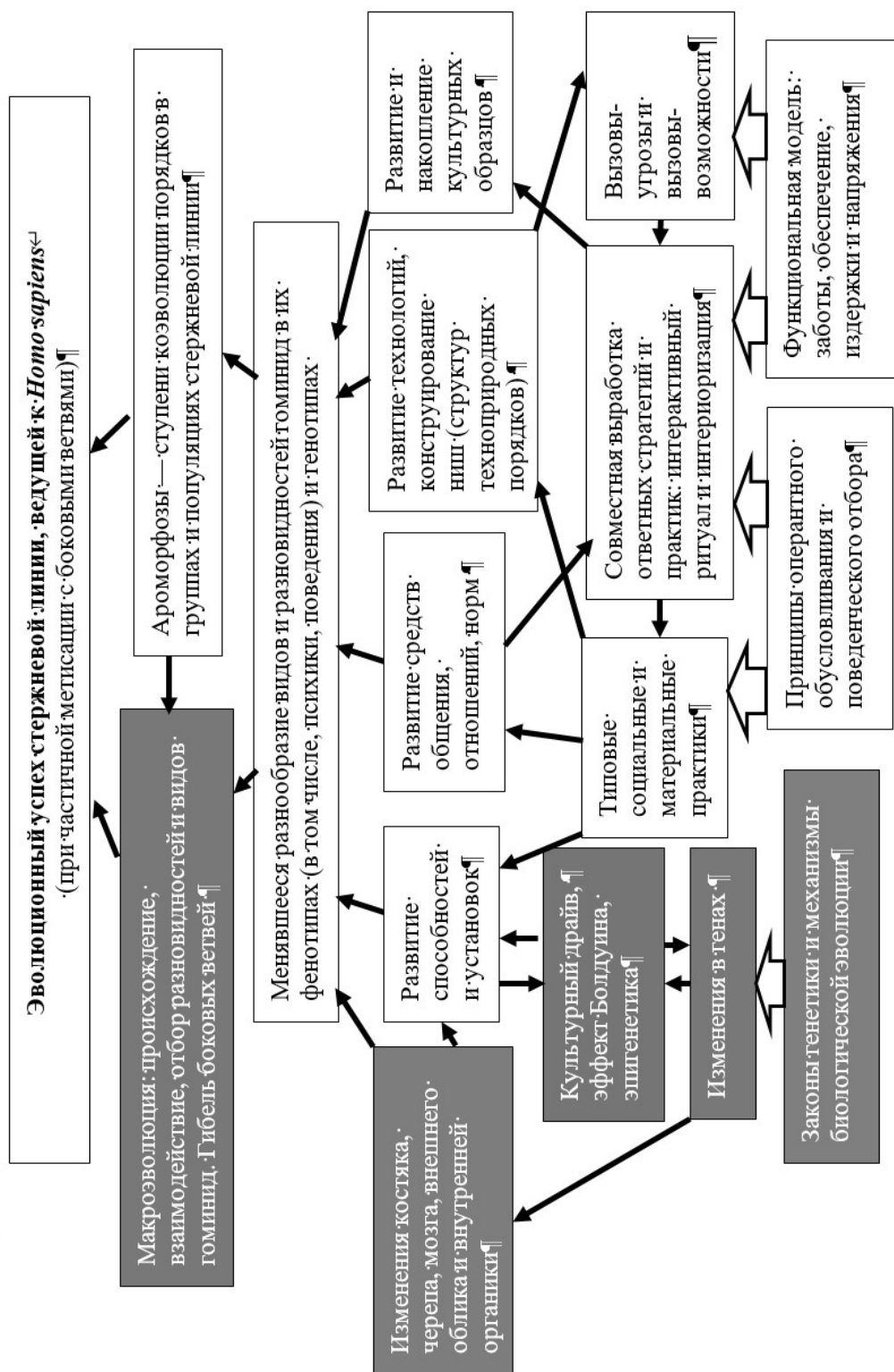
Внутри обществ с аграрно-принудительными порядками и ранними формами государственности, практики организованного насилия определялись жесткой сословной стратификацией: военно-политическая элита (правитель, его расширенная семья и дружина) возвышалась над массой крестьян, ремесленников, а также некоторого числа рабов, захваченных в результате войн.

С одной стороны, уровень государственного насилия и устрашения насилием варьировал в разных обществах в зависимости от этнической, языковой, религиозной близости/дальности между благородным и низшими сословиями. С другой стороны, насильственные практики вкупе с духовным (религиозным) доминированием неизменно служили поддержанию полного политического господства элиты и легитимировали экономическую эксплуатацию.

С трудом складывалась монополия на легитимное насилие. При успехе, о котором можно судить по первым сводам законов, появлялись ограничения, которые способствовали хотя бы частичной защищенности членов общества (вернее, мужчин как глав домохозяйств), но не бесправных рабов (Дьяконов 2007; Malešević 2017).

В той мере, в какой государства обеспечивали безопасность и спокойствие на

¹ Ярким отражением этой древней традиции в классической литературе является сюжет шекспировского «Короля Лира». Также можно привести свидетельство, относительно более близкой нам истории. «Зимний же и суровый образ жизни тех самых россов таков. Когда наступит ноябрь, их князья выходят со всеми россами из Киева и отправляются в полюдье, то есть круговой обход, а именно — в славянские земли древлян, дреговичей, кривичей, северян и остальных славян, платящих дань россам. Кормясь там в течение зимы, они в апреле, когда растает лед на Днепре, возвращаются в Киев, собирают, оснащают свои корабли и отправляются на Босфор» (Трактат «Об управлении империей» Константина Багрянородного, сер. X в.).

своих территориях, в удобных бухтах и на пересечении дорог росли города как порты, центры ремесленничества и торговли. Множество нестоличных городов, портов, богатых производящих провинций было, с одной стороны, соблазном для крупных имперских завоеваний, с другой стороны, основой для налаживания систем длинных товарных цепочек. Таковы истоки формирования мир-империй, империй, союзов городов, мир-экономик, что характерно уже для следующей фазы социальной эволюции — зрелой государственности.

Местничество как бюрократизация родства

Связь отношений родства и формальных управленческих позиций прослеживается на самых разных исторических этапах. Так, особой формой государственности были известные в истории Речи Посполитой и Московской Руси системы *местничества*. Наряду с известным драматизмом споров и конфликтов о рангах родовитости, статности, развивалась система служилых должностей: боярин, думный дворянин, думный дьяк, стольник, стряпчий, постельничий, окольничий, сокольничий, посланник, знаменщик, полковник, воевода, губной староста и т. д.

Первыми претендентами на освободившуюся должность были, как правило, младшие братья, сыновья, другие родственники ушедшего. История местничества наглядно показывает, как роль родства снижалась: множились указы о «безместии» разных должностей, начиная с низших служилых, чтобы местнический порядок не ограничивал полномочия назначений. Сами же верхние слои упорно держались за свои родовые привилегии. Разве что требовавшие особых компетенций позиции посланников объявлялись «безместными» (Мельников 1978).

Последовательные этапы отказа от местничества, начиная с 1640-х гг., через петровские, екатерининские реформы и вплоть до новаций Сперанского в начале XIX в., показывают эволюцию в направлении формальной организационной структуры государства (Волков 1977). Остатки местничества можно разве усмотреть в универсальных традициях более или менее скрываемого nepoтизма: предпочтительного карьерного продвижения для детей, племянников, зятьев и прочей родни.

Почему, несмотря на огромную роль отношений родства, местничество правильнее квалифицировать как форму государственности, а не промежуточную стадию между типом варварских политий и государством?

Сильный довод составляют известные, детально разработанные нормативные документы о иерархии родов, о правилах расчета рангов, перечни провинностей («потерек»), снижающих ранг и проч. Вся эта богатая номенклатура формальных установлений («Государев родословец», указы, приговоры, поучения, разряды, уложения), — немалый для того времени бюрократический аппарат для подготовки этих норм и контроля за их выполнением, — все это указывает на полновесную государственность, пусть в качестве главного принципа был принят не жребий (как в Афинах) и не выборы (как в представительных демократиях), а родство и генеалогия.

Научная литература

- Артемова О. Ю. Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине: по австралийским этнографическим данным. М.: Наука, 1987. 197 с.
- Будыко М. И. Эволюция биосферы. Л.: Гидрометеиздат, 1984. 488 с.

- Бунак В. В. Речь и интеллект, стадии их развития в антропогенезе // Бунак В. В., Алексеев В. П., Рогинский Я. Я. (ред.). Ископаемые гоминиды и происхождение человека. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Новая серия 92. М.: Наука, 1966. С. 497–555.
- Вебер М. Избр. соч. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
- Вишняцкий Л. Б. Вооруженное насилие в палеолите // *Stratum plus*. 2014. № 1. С. 311–332.
- Волков М. Я. Об отмене местничества в России // *История СССР*. 1977. № 2. С. 53–67.
- Гофман Э. Ритуал взаимодействия: очерки поведения лицом к лицу. М.: Смысл, 2009. 319 с.
- Джонсон А., Эрл Т. Эволюция человеческих обществ: от добывающей общины к аграрному государству. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 548 с.
- Дьяконов И. М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. / Изд. 2-е, испр. М.: КомКнига, 2007. 384 с.
- Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемистическая система в Австралии. (Введение, гл. 1.). / Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология / под ред. А. Красникова. М.: Изд-во Канон+, 1998. С. 174–230.
- Карнейро Р. Теория происхождения государства // Раннее государство, его альтернативы и аналоги / под ред. Л. Е. Гринина. Волгоград: Учитель, 2006. С. 55–70.
- Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М.: Восточная литература, 2004. 464 с.
- Мельников Ю. Н. Местнические дела в Разрядном судопроизводстве 80-х годов XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978. Вып. IX. С. 222–236.
- Райх Д. Кто мы и как сюда попали. Древняя ДНК и новая наука о человеческом прошлом. М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2020. 448 с.
- Berent M. The Stateless Polis: The Early State and the Ancient Greek Community // *Alternatives of Social Evolution* / ed. by N. Kradin, A. Korotayev, V. de Munck, V. Lynsha et al. Vladivostok: Dal'nauka, 2000. 353–376.
- Carneiro R. L. The Chiefdom: Precursor of the State // *The Transition to Statehood in the New World* / ed. by G. D. Jones and R. R. Kautz, New York: Cambridge University Press, 1981. 37–79.
- Carneiro R. L. Answers to Critiques // *Social Evolution & History*. 2012. Vol. 11. No 2. 131–190.
- Collins R. *Interaction Ritual Chains*. Princeton & Oxford: Princeton University Press, 2004. 227 p.
- Churchill S. E. *Thin on the Ground: Neanderthal Biology, Archeology, and Ecology*. Hoboken, New Jersey: Wiley Blackwell, 2014. 472 p.
- Johnson D. D. P. *God Is Watching You: How the Fear of God Makes Us Human*. New York: Oxford University Press, 2015. 304 p.
- Malešević S. *The Rise of Organised Brutality: A Historical Sociology of Violence*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 340 p.
- Marcus J., Flannery K. V. *Zapotec Civilization; How Urban Society Evolved in Mexico's Oaxaca Valley*. London: Thames & Hudson, 1996. 225 p.
- Renfrew C. *Before Civilization*. Harmondsworth, UK: Penguin, 1976. 320 p.
- Turchin P. *Ultrasociety: How 10,000 Years of War Made Humans the Greatest Cooperators on Earth*. Chaplin, CT: Beresta, 2016. 266 p.
- Turchin et al. Rise of the War Machines: Charting the Evolution of Military Technologies From the Neolithic to the Industrial Revolution // *PLOS ONE*. 2021. Vol. 16. № 10. e0258161. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0258161>
- Zinkina J., Korotayev A., Andreev A. Circumscription Theory of the Origins of the State: A Cross-Cultural Re-Analysis // *Cliodynamics*. 2016. Vol. 7. № 2. P. 187–203. <https://doi.org/10.21237/C7clio7232817>

References

- Artemova, O. Yu. 1987. *Lichnost' i sotsial'nye normy v rannepervobytnoi obshchine: po avstraliiskim etnograficheskim dannym* [Personality and Social Norms in the Early Primitive Community: on Australian Ethnographic Data]. Moscow: Nauka. 197 p.
- Berent, M. 2000. The Stateless Polis: The Early State and the Ancient Greek Community. In *Alternatives of Social Evolution*, ed. by N. Kradin, A. Korotayev, V. de Munck, V. Lynsha et al.). Vladivostok: Dal'nauka: 353–376.
- Budyko, M. I. 1984. *Evolutsiia biosfery* [Evolution of the Biosphere]. Leningrad: Gidrometeoizdat. 488 p.
- Bunak, V. V. 1966. Rech' i intellekt, stadii ikh razvitiia v antropogeneze [Speech and Intellect, Stages of Their Development in Anthropogenesis]. In *Iskopaemye gominidy i proiskhozhdenie cheloveka. Trudy Instituta etnografii imeni N. N. Miklukho-Maklaia, Novaia seriia 92*. [Fossil Hominids and the Origin of Human. Proceedings of the N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnography, New series 92], ed. by V. V. Bunak, V. P. Alekseev and Ya. Ya. Roginskii. Moscow: Nauka. 497–555.
- Carneiro, R. 2006. Teoriia proiskhozhdeniia gosudarstva [A Theory of the Origin of the State]. In *Ranee gosudarstvo, ego al'ternativy i analogi* [The Early State, its Alternatives and Analogues], ed. by L. E. Grinin. Volgograd: Uchitel'. 55–70.
- Carneiro, R. L. 1981. The Chiefdom: Precursor of the State. In *The Transition to Statehood in the New World*, ed. by G. D. Jones and R. R. Kautz. New York: Cambridge University Press. 37–79.
- Carneiro, R. L. 2012. Answers to Critiques. *Social Evolution & History* 11(2): 131–190.
- Churchill, S. E. 2014. *Thin on the Ground: Neanderthal Biology, Archeology, and Ecology*. Hoboken, NJ: Wiley Blackwell. 472 p.
- Collins, R. 2004. *Interaction Ritual Chains*. Princeton, Oxford: Princeton University Press. 227 p.
- Diakonov, I. M. 2007. *Puti istorii. Ot drevneishego cheloveka do nashikh dnei* [Ways of History. From the Most Ancient Man to the Present Day]. Moscow: KomKniga. 384 p.
- Durkheim, E. 1998. Elementarnye formy religioznoi zhizni. Totemisticheskaia sistema v Avstralii. (Vvedenie, glava 1) [The Elementary Forms of Religious Life. The Totemistic System in Australia. (Introduction, Chapter 1)]. In *Mistika. Religiiia. Nauka. Klassiki mirovogo religiovedeniia. Antologiiia* [Mysticism. Religion. Science. Classics of World Religious Studies. Anthology], ed. by A. Krasnikov. Moscow: Kanon. 174–230.
- Goffman, E. 2009. *Ritual vzaimodeistviia: ocherki povedeniia litsom k litsu* [Ritual of Interaction: Essays on Face-to-face Behavior]. Moscow: Smysl. 319 p.
- Johnson, A. and T. Earle. 2017. *Evoluciya chelovecheskih obschestv. Ot dobivayushey obschiny k agrarnomu gosudarstvu* [The Evolution of Human Societies. From Foraging Group to Agrarian State]. Moscow: Izdatelstvo Instituta Gaydara. 548 p.
- Johnson, D. D. P. 2015. *God Is Watching You: How the Fear of God Makes Us Human*. New York: Oxford University Press. 304 p.
- Malešević, S. 2017. *The Rise of Organised Brutality: A Historical Sociology of Violence*. Cambridge: Cambridge University Press. 340 p.
- Marcus, J. and K.V. Flannery. 1996. *Zapotec Civilization; How Urban Society Evolved in Mexico's Oaxaca Valley*. London: Thames & Hudson. 225 p.
- Meletinskii, E. M. 2004. *Proiskhozhdenie geroicheskogo eposa. Rannie formy i arkhaiskie pamiatniki* [The Origin of Heroic Epic. Early Forms and Archaic Monuments]. Moscow: Vostochnaia literatura. 464 p.
- Melnikov, Yu. N. 1978. Mestnicheskie dela v Razriadnom sudoproizvodstve 80-kh godov XVI v. [Mestnicheskiy Cases in Razryadny Judicial Procedure in the 80-s of the 16th Century]. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny* 1: 222–236.
- Reich, D. 2020. *Kto my i kak siuda popali. Drevniia DNK i novaia nauka o chelovecheskom proshlom* [Who We Are and How We Got Here. Ancient DNA and the New Science of the Human Past]. Moscow: CORPUS. 448 p.
- Renfrew, C. 1976. *Before Civilization*. Harmondsworth, UK: Penguin. 320 p.

- Turchin, P. et al. 2021. Rise of the War Machines: Charting the Evolution of Military Technologies from the Neolithic to the Industrial Revolution. *PLOS ONE* 16(10), e0258161. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0258161>
- Turchin, P. 2016. *Ultrasociety: How 10,000 Years of War Made Humans the Greatest Cooperators on Earth*. Chaplin, CT: Beresta. 266 p.
- Vishniatskii, L. B. 2014. Vooruzhennoe nasilie v paleolite [Armed Violence in the Paleolithic]. *Stratum plus* 1: 311–332.
- Volkov, M. Ya. 1977. Ob otmene mestnichestva v Rossii [On the Abolition of Mestnichestvo in Russia]. *Istoriia SSSR* 2: 53–67.
- Weber, M. 1990. *Izbrannye sochineniya* [Selected Works]. Moscow: Progress. 808 p.
- Zinkina, J., A. Korotayev, and A. Andreev. 2016 Circumscription Theory of the Origins of the State: A Cross-Cultural Re-Analysis. *Cliodynamics* 7(2): 187–203. <https://doi.org/10.21237/C7clio7232817>